

ДАРЬЯ ЧУПРОВА

Душечка

16+

Дарья Чупрова

Душечка

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Чупрова Д. Д.

Душечка / Д. Д. Чупрова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Повесть основана на реальных событиях. Книга о девушке, выросшей в умирающем селе. В ее жизни случается горе, и она вынуждена искать новые пути. Любить или ненавидеть? Сдаться или бороться? На эти и многие другие вопросы автор ищет ответы, но самое главное, дает понять - все, что нас окружает, мы берем изнутри себя самих... (Обложка авторская, без использования дополнительных источников)

© Чупрова Д. Д., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Душечка

От автора

Эту историю мне рассказали не только люди, но и дома, поваленные заборы и тусклые огни в пыльных окнах. Будучи актрисой, я прожила со своей героиней часть ее жизни, выучилась думать и чувствовать, как она. В этой истории появились знакомые мне люди и стали ее полноценной частью. Они помогли приблизиться к разгадке давно мучившего меня вопроса: где же рождается горе? Взираем мы его внутри себя, или же оно поджидает нас где-то рядом?

Я искренне убеждена, что самое главное для человека – быть счастливым. А чтобы научиться быть счастливыми, нам неизбежно придется попробовать понять природу горя.

Возможно, эта повесть поможет найти ответы хотя бы нескольким из вас, дорогие мои читатели.

1

Кастрюля кружилась волчком, забрызгивая остатками пшенной каши облезлый деревянный пол. Ошметки разваренной тыквы лежали кусками бледно-оранжевой слизи, не давая шанса поверить в тот факт, что когда-то это можно было есть. Пар обдавал мне лицо, и капли пота смешивались со слезами. Просто удивительно, как я успела отпрыгнуть от этой тыквенно-молочной бомбы.

Уставшие руки не удержали огромную желтую кастрюлю, и все ее содержимое теперь валялось здесь, на радость половым тряпкам.

Выброшу... нет, честное слово, не буду их полоскать!.. Просто соберу эту гадость и выброшу, вместе с тряпками, тазами, губками. Нет сил...

Я издала протяжный стон или рык, который больше походил на бульканье и в итоге перешел в нервный кашель. Пот уже остался на рукаве халата, а вот слезы все катились по щекам. Нет, я то обойдусь, мне даже полезно поголодать. А вот мать кормить сегодня нечем.

– Черт! Че-е-ерт!

Из соседней комнаты послышался мягкий старческий голос:

– Душечка, кто-то пришел, открой дверь.

– Никто не пришел.

– Нет, я точно что-то слышала.

– Это я.

– Нет.

– Это я!

– Открой дверь.

– ЭТО Я! НИКТО НЕ ПРИШЕЛ! Смотри свой ящик...

Я приземлилась на скрипучий стул и, закрыв глаза, принялась считать. Раз... Два... Три... Очень давно, когда я еще училась в школе, мне довелось услышать одну занимательную штуку: мол, если сосчитать до десяти, спокойно и медленно (а самое главное – правильно дышать, не грудью, а животом! Вдох носом – живот надувается, выдох ртом – живот сдувается)... Четыре... Вздых. Пять... Выдох. Шесть... В общем, якобы это помогает успокоиться. Не знаю, что помогало мне сильнее – сам способ или моя вера в этот способ, за неимением более действенного и дешевого средства, – но так или иначе, а я смогла побороть желание наорать на мою старушку и просто ушла, хлопнув дверью.

Настроив свое дыхание на нужный лад, я поняла, что готова перейти к следующему этапу – «секретная сигарета».

Дело в том, что я не курила. Вернее курила, будучи подростком, а теперь взяла за правило верить в то, что не курю. И тонкие ментоловые подружки приходили ко мне на выручку только в качестве лекарства. Я называла их антидепрессантами и четко придерживалась своих правил, лишь иногда уступая в пользу ароматному дыму и щелчку зажигалки.

Я закурила. Мм-да... Нужно сходить к бабе Вере, у нее наверняка есть рис или гречка. Конечно, мать хотела именно тыквенной каши, но не все в этом насмешливом мире случается так, как мы хотим.

Я вспоминаю себя в восьмом классе, мои надежды, веру в светлое прогрессивное будущее. Я помню ту жизнь... Тогда она казалась мне чем-то ужасным, глупым, и я мечтала ускорить время. Как же я ошибалась... Нужно было навсегда остановить те минуты, остаться пятнадцатилетней девчонкой, живущей со старенькой, но любящей матерью... Тогда еще *она* обо мне заботилась...

Я помню, когда мать приходила на редкие родительские собрания, ее часто называли моей бабушкой... Она делала вид, что не обижается, хотя мне всегда казалось, что это не так.

2

Тогда я училась в Городе, и мне очень нравилось каждое утро ждать автобус на нашей единственной остановке... Даже сейчас, стоя на полуразвалившемся крыльце, поросшим зеленым мхом, я вижу эту остановку – такую одинокую в темноте этого зимнего вечера. Почему же она такая одинокая? По тем же причинам, что и я... Мы живем в этом гнилом месте, и мы обе вкопаны сюда нашими создателями. Мы не можем ни уйти, ни сбежать...

Когда я была маленькой, то не верила, что на свете есть что-то кроме нашего полуразвалившегося села. Уже тогда здесь было домов двадцать, сейчас десять, жилых из них семь – четыре постояльца и три дачника... Все, кто мог, давно уехали, покинули тонущий корабль, но мне было суждено тонуть вместе с ним...

А тогда, давно, в моем счастливом детстве, здесь еще были румяные мальчики и девочки, но с каждым годом их становилось все меньше и меньше. Эти счастливицы перебирались в города или в другие места, где есть живые люди. Из пяти ребят, вместе с которыми я росла, к моему восьмому классу осталась одна Верка. С ней-то я и ездила на бело-зеленом автобусе, немного покосившемся на левую сторону.

На самом деле до Города можно было дойти пешком, но все же это было не слишком быстро, а утром всегда хотелось поспать лишние сорок минут. Поэтому мы дожидались рычащего железного зверя, готового развалиться в любую секунду, садились рядышком и начинали шепотом обсуждать важнейшие вещи. Новые телешоу, отношения Николая и Светки, очумелый каблук Ирки Николаевской – в общем, все то, что так интересует подростков.

Когда мы въезжали в город, наступала тишина... Это потом уже мы узнали, что эта сказка, наш Город, который существовал так близко и так далеко от нашей сельской повседневной жизни, для большинства жителей нашей необъятной Родины был всего лишь деревней.

В нашем Городе не было ни одного высотного дома. Самые высокие дома достигали лишь четырех этажей, но нам они казались великанами. Мы проезжали мимо нескольких магазинов, один из них торговал вещами для взрослых. На его вывеске красивый женский силуэт обнимал огромное розовое сердце... Этот магазин всегда смешил нас, но в то же время придавал значимости нашему Городу, – Он настоящий, Он живой, Он современный.

Конечно, у нас были телевизоры, и мы догадывались, что где-то за пределами этого задыхающегося села и милого маленького Города есть иная жизнь. Но она не казалась реальной. Просто декорация, чья-то фантазия... Когда ты смотришь кино о космосе, о колонизации

Марса, о перевозке миллиона пассажиров в другую галактику, ты же и впрямь не думаешь, что так будет в реальности.

Да, ты надеешься, что человек будет летать в космос... чаще, чаще, чаще, потом появится некая прекрасная, чистая планета и – бац! Туда уже летит новый блестящий корабль с лучшими умами нашего века... Но все это где-то далеко и с натяжкой, поэтому что огромный мегаполис с тысячей огней, что космические путешествия для нас были равнозначно фантастичны.

Мы доезжали до центральной остановки и выходили на площади. Вот здесь стоит памятник Ленину, как всегда, исполосованный белыми подтеками, сообщающими о великой любви голубей к этому месту. Слева от него городская администрация. Туда ходят важные полноватые тетки и усаые дядьки в костюмах. А чуть дальше, открывая свои парадные двери (будто и в самом деле именно для этого каменного Ленина), стоит Дом культуры. С колоннами! Там проходят концерты, а из областного центра иногда приезжают звезды местного разлива...

Но мы идем не к светло-бежевому зданию с колоннами, и даже не к салатовому дому с флагами, мы поворачиваем направо и идем к нашей серенькой школе, построенной в виде буквы «Г». У ворот школы первым делом вновь поворачиваем направо и добегаем до коричневых гаражей с покосившейся крышей. Тут Верка достает зелененький «Pall Mall», и мы закуриваем. Быстро курим сразу по две, Верка убирает изумрудную пачку в блестящую сумку.

У нее много хороших вещей, она одевается гораздо лучше меня. Может, потому что ее мать не старая. Она вообще родила ее в нашем возрасте, наверняка за это и была сослана к бабке в наше село... Но это не важно... Отец Верки работает дальнотойщиком, вроде как даже родной отец. Тоже молодой, все воспринимает как должное. Во время редких встреч он целует Верку в лоб и уходит спать. Моя мама говорит – он работает меньше, чем заявляет, просто у него есть вторая жизнь... Но и это не важно...

Верка красивее меня, моднее, а вот это уже проблема. Не для меня, для нее. Как только тонкая пачечка с содержимым, запрещенным к продаже несовершеннолетним, падает на дно сумки с учебниками, Верка обо мне забывает и, постукивая каблучками, несется в гущу событий, к Городским, к настоящим. А я остаюсь здесь, и считаю до десяти. Раз... Вдох... Два... Выдох. Три... Вдох.

3

Когда мы заходим в класс, я сажусь рядом с Ленкой. Он тоже ездит сюда на автобусе из другого приближенного населенного пункта (ему идти-то до Города двадцать минут, но он ездит). Домов у них чуть больше, но живется хуже. Все пьют. Его мать с отцом – тоже. Ленкин дом, как и мой, стоит прямо у дороги, по которой едут красивые уставшие машины. Едут работать, отдыхать, едут к родственникам и любовникам, едут на дачи и в бани, едут жить...

А мы остаемся в своих деревянных домах с маленькими красивыми окнами в резных рамах, смотрим через пыльные стекла на эти автомобили и думаем, что скоро придет и наш час, и мы поедем в большие города искать воздух, которым дышать приятнее, чем в наших березовых рощах.

Ленька ворчит и двигает свой рюкзак, я плюхаюсь рядом.

– Ну привет, Волосатый.

– А Верка тебя снова кинула? Хватит ей шестерить. Бессовестная бабенка.

– Но-но! Она тебе не бабенка! – улыбаюсь я и толкаю его локтем в бок.

Ленька тоже кривит рот в подобии улыбки, и мы ждем звонка. Скоро все закончится, скоро начнется другая жизнь. Верка перестанет меня стесняться, и мы все станем одной боль-

шой и дружной семьей. Будто что-то шелкнет в головах у всех этих мыр, и они поймут, что жить нужно дружно, что школа – это так романтично или еще какие-то сопли, не знаю...

Просто в один момент все границы стерлись, и мы стали не то чтобы дружить, а всего лишь не обращать друг на друга внимания, делать вид, что все хорошо, а мы милые друзья, которые разлетятся, как выросшие птенцы из гнезда, каждый в свой уютный уголок.

Это случится совсем скоро. Если честно, думаю, мы просто резко повзрослеем, начнем надеяться на выпускной, верить в его магию: вот он случится, как вспышка, и мы все станем взрослыми, красивыми, богатыми, свободными... Ну, а пока...

А пока я сижу на задней парте вместе с Ленькой Волосатым. Он убирает засаленные пряди за бледные уши и выглядит даже симпатичным. Немного сутулый, худощавый и высокий. Его острый подбородок вздернут, а серые глаза похожи на камушки. Он поворачивается ко мне и говорит:

- Хочешь выпить?
- А есть что?..
- Есть. Давай удерем?..

Мы придумываем сложную схему, разыгрывая неправдоподобный спектакль с моим разбитым коленом. Леньке поручают меня проводить, и вот мы уже на свободе. Я выхожу из школы и не забываю хромать. Ленька не смеется, но его глаза горят, и плечи немного подергиваются. Вообще он мне нравится – этакой мрачный отшельник.

Иногда я представляла его комнату, ее почти беспроглядную темноту, озаряемую лишь мистическим светом компьютера. Он сидит, склонившись над синим экраном, его темные волосы почти полностью закрывают лицо, в углу копошатся черви... Что? Почему, откуда черви? Об этом я не думала. Просто это был Ленька, мой Ленька, самый лучший и верный друг.

Мы идем по нашему Городу к реке, в овраг. Но справедливости ради отмечаем, что Город-то не совсем наш... не самый близкий и родной, он просто нас терпит, принимает, защищает, но и этого уже много.

- Ленька, а сигареты-то у Верки остались.
- Верку твою драть надо, палками по...
- Лен, я серьезно...

Он хлопает по карманам куртки и достает скрученную купюру. Немного мнется, бросает рюкзак на подтаявший снег и идет в первый попавшийся магазин. Паспорта у него не спрашивают: он высокий и хмурый. Пока его нет, я буду думать, с чего такая злоба к Верке – действительно обида за меня как за друга или же скрытая симпатия?.. Нет, проще. Подростковая страсть. Палками по... Я в красках представляю, как Ленька срывает с нее черную юбчонку, Верка кричит, но тонкие ивовые ветки уже занесены в воздух. Хлясь! Хлясь!

- На, куряка.

Ленька с ходу бросает мне беленькую пачку с красными буквами. Я ловко вскрываю ее и чиркаю спичкой.

- Спасибо, друг.

Мы доходим до оврага и садимся на поваленное дерево. Ленька начинает копошиться в рюкзаке, а я курю уже третью.

- Будешь?

– Ты же знаешь... Я и дым-то терплю только из-за тебя. Вообще пассивное курение еще опаснее. Я, можно сказать, тут жизнью рискую...

– Ах ты, мой смельчак! – Раскидываю руки, словно хочу кинуться к нему в объятия, и громко хохочу, давась дымом и роняя сигарету. Ленька достает бутылку.

- Это что?

- Водка. У матери спер.
- Ну и дурак. Я это пить не буду.
- Я тоже.
- Так чего мы сюда тащились тогда?..

Ленька выдерживает небольшую паузу, а потом не глядя на меня, совсем просто и спокойно говорит:

- Смотри на реку. Или будешь спорить, что здесь хуже, чем в школе?
- Не буду.
- Тогда молчи.

И мы сидим и просто смотрим на воду. Лучи прыгают по маленьким волнам. Глазам немного больно, но лицо охватывает приятное тепло, здесь легко дышать. Дышать и молчать.

В такие минуты мне кажется, что я могу быть счастлива. В такие минуты я думала, что даже смогу полюбить Леньку. Тогда я не знала, что пройдет каких-то полгода – и моей матери не станет. Вернее, она останется, но будет живым мертвецом, не помнящим ни прошлого, ни настоящего.

Тогда, сидя на берегу рядом с самым настоящим мужчиной, я думала, что жизнь умнее меня, что я просто не могу разгадать ее замыслы, ее интриги. Но она и не собиралась загадывать мне загадки. Через шесть месяцев у мамы случится инсульт, и я больше не буду сидеть на этом чертовом бревне. Я быстро повзрослею, умру и воскресну не Фениксом, а роботом-пылесосом, который выносит «утки» и готовит пригорелую кашу...

Но сейчас этого не существует, есть лишь я и Ленька... Ленька...

Я бы и сама подумала, что влюбилось в этого странного молчаливого парня, но было несколько «но».

Первое «но» казалось мне больше не недостатком, а особенностью. А вот со вторым мириться не получалось. Во-первых, иногда мой Волосатый друг слегка заикался. Этого можно было и не заметить, некоторые из одноклассников до сих пор не знали про эту его особенность.

Ленька мог говорить спокойно неделями, небольшими и печальными словами, а потом его словно подменяли, и он не мог выдать из себя ни слова. Это меня не пугало, скорее тревожило: в такие моменты я ощущала, что нужна Леньке как никогда, что он или мир вокруг него меняются. Но обычно Ленька просто уходил от меня, небрежно толкая плечом, и я не лезла к нему вплоть до его дружеского кашля за моей спиной.

Мы никогда не общались после школы. У нас было негласное правило: наше время, все, что нас связывает, – только школа или те часы, пока мы должны быть там. Этот вечер на реке был удивительным исключением, и... означал новую точку отсчета. Я не знала Ленькиного телефона, он не просил мой. Даже в Интернете мы не переписывались, хотя иногда просматривали унылые странички друг друга, заполненные лишь ссылками на различные фильмы и клипы. Никакой идентификации с самими собой, это что-то другое. Просто способ иметь свое отражение в ином пространстве. Это как гипноз, как контролируемый сон...

Но вернемся к его особенностям. Во-первых, эти странные заикания, которые я с легкостью прощала и придумывала им миллион оправданий, но во-вторых...

Во-вторых, когда Ленька злился, он сильно выпучивал глаза, да так, что они вылезали из орбит и покрывались розовой сеточкой сосудов. При этом уголки его рта ползли вниз, обнажая в неестественном оскале желтоватые зубы, голова наклонялась вбок и замирала, а руки выламывались неестественным образом. Его пальцы тряслись, а он судорожно перебирал ими, словно по струнам невидимой гитары или арфы, доставляя себе неудобства и (вполне возможно) легкую боль. Такое случалось с ним редко, но все же случалось.

После таких вот «припадков» я не могла с ним общаться по нескольку дней. И даже сидела отдельно. Ленька не надоедал и знал: рано или поздно тоска по общению возьмет свое,

и я вновь займу место на задней парте рядом с этим чудаком. Справедливости ради отмечу, что на меня он так злился лишь пару раз, в основном эти припадки случались не по моей вине. Но находиться с ним рядом... Это была одна из величайших мук того прекрасного времени. Когда он в первый раз так перекосялся, я даже не знала, что делать! Его слюни брызгали мне в лицо, а мое собственное сердце застучало где-то в ушах. Я хотела бежать, но подумала, что он просто меня убьет.

Впоследствии выяснилось, что Ленька вполне безобиден и ни на кого не кидается, но находиться с ним в такие моменты рядом от этого приятнее не стало. Именно тогда я возненавидела его всем сердцем. Так и родилась наша крепкая дружба: моя явная влюбленность наложилась на эту гнетущую ненависть и неприязнь, и вуаля – мы прекрасные друзья.

Поэтому к Верке я не ревновала, а просто интересовалась и совала нос не в свои дела. А отношения у Леньки с Веркой были своеобразные.

4

И вот наступил момент, когда что-то шелкнуло, занавес упал, и всем стало наплевать друг на друга. Именно тогда Верка перестала быть такой заразой и начала открыто общаться со мной. Она даже пыталась затащить меня в эту Городскую тусовку, но мне было там некомфортно и тесно. К тому же то, что они называли «Городской тусовкой», больше походило на пьянствующих школьников и попытку внушить себе реальность этого Города, как чего-то большего, чем простое захолустье. Верка это скоро поняла и перестала пытаться, зато активно начала навязывать свое общество нашей маленькой компании.

– А он тебя гадушкой называл... – задумчиво и почти театрально произнесла я, сидя на большом камне у старых переживших войну домов.

– Он дурак, но страстный дурак. Я хочу проверить теорию.

– Какую?

– Первого секса.

– Понеслось...

И Верка начинала рассказывать о том, что в одной книжке прочитала: мол, первые интимные отношения обязательно должны быть с тем, кого ты не любишь и где-то даже терпеть не можешь. А все потому, что вероятность того, что ты проживешь всю свою жизнь с этим несчастным, крайне мала, а вернее, сводится к нулю. А ведь для юной девушки очень важно не разбить свое нежное сердце такой роковой ошибкой, чтобы в дальнейшем спокойно переживать расставания, обманы и предательства, ровно до того момента, пока не встретится тот самый, единственный и неповторимый.

Я слушала все это, уткнувшись носом в свои джинсы и вдыхая их пыльный аромат. Верка продолжала тараторить и приводила все больше и больше аргументов в пользу такой вот авантюры.

– А смысл в чем?

– Как в чем? – Она удивленно заморгала своими красивыми глазами.

– Ну, зачем это все, если ни ей, ни ему это, собственно, и не нужно?

– Ну так, природа... гормоны...

– Феромоны! Я вот чего, Вер, не понимаю... Вот если это все правда, то на бедного Леньку должны открыть охоту практически все девушки нашей школы.

– А может, он и рад будет! – съехидничала Верка, явно пытаясь меня задеть.

– Плохо ты знаешь моего Волосатика.

– Мо-е-го-о! – передразнила Верка и достала «Pall Mall»

В этот момент пришел Ленька. Голова его была обрита наголо, он глупо улыбался и тупил глаза. Я вскочила с камня, а Верка выронила желтый «крикет».

– Я тут... Дайте закурить.

И мы дали.

Кашляя, Ленька курил свою первую сигарету и неуклюже вертел ее длинными пальцами. Лучи солнышка бегали по его здоровой, розовой лысине.

Мы молчали.

Помню, уже потом, почти перед самым концом моей нормальной жизни, он рассказал нам всю правду. Естественно с Веркой у них ничего не получилось, да они и не пытались, зато наша троица стала неразлучна... но только не в дни дежурства.

5

Тогда мы с Веркой второй раз подряд попросились в дежурные и, расставляя в столовой тарелки с желтоватым супом, не могли говорить ни о чем, кроме как о Ленькиной жизни.

– Так значит, ты не знала?

– Да, честное слово! У нас сложные отношения были, я их до конца и не понимала. Это теперь все по полочкам стало, а тогда...

– Небось напридумывала себе...

– Напридумывала. – Я поставила еще несколько тарелок и аккуратно положила хлеб рядом. – Я бы хотела все вернуть. Не знать. Это эгоистично, но тогда все казалось каким-то... таинственным, что ли...

– Это с непривычки.

– Ты о чем?

– О чем? О парнях, конечно. Опыта у тебя мало...

Это в Верке меня раздражало больше всего. Она активно пыталась приклеить к себе статус этакой роковой девушки, рано повзрослевшей и выдавшей вида. Но все это было неправдой, и дальше мелодраматических фильмов с легкими эротическими сценами сама она не заходила, но вот покрасоваться любила. То специально размажет помаду и взъерошит волосы перед зеркальцем пудреницы, будто после утомительной ночи любви сразу прибежала в школу. То уронит из сумочки упаковку специфических резиновых изделий...

Это действовало на нервы. Не то чтобы я в свои шестнадцать чувствовала себя ребенком, просто мне не хотелось выставлять свои желания и потребности на общее обозрение.

А в Верке ощущалось полное отсутствие этих желаний, и именно поэтому (видимо, чувствуя себя слегка ущербной) она настойчиво выставляла свою фальшивую испорченность напоказ.

– Так значит, все оказалось очень прозаично...

– Более чем, Вер! – Я остановилась и серьезно посмотрела на нее. – Я за него боюсь.

– Не бойся. Все через это проходят.

Я знала, что она вновь лукавит, и сама еще не испытала этого опустошения после разрыва со своей «половинкой». Но сейчас меня интересовали не ее загнанные в современные рамки комплексы, а мой бедный Ленька.

А дело обстояло так.

6

Два года назад Ленька познакомился в чате с одной милой особой. Они обменялись фотографиями, и все закружилось. Долгие переписки, откровения, рассказы о своей семье, цифровые слезы и даже редкие звонки. Проблема была небольшая, но достаточно серьезная.

Мари Лебяная (фамилия была не настоящей, на самом деле она была обычной Мариной Бабуркиной, но Мари Лебяная звучала, безусловно, куда лучше) – в общем, Мари жила в Казахстане, и встретиться им с Ленькой было суждено лишь через пару лет, когда одному из них стукнет восемнадцать. Своего совершеннолетия первой достигала Мари, а значит именно она и должна была совершить небольшое путешествие.

Целых два года они планировали совместное будущее. Ленька копил деньги, закупал гречку и макароны, чтобы быть готовым ко взрослой семейной жизни на съемной квартире в нашем Городе. Он даже дневник вел, в котором зачеркивал дни до приезда Мари. В этом же календаре он обвел красным дату их планируемой свадьбы. Мари должна была привезти с собой красивое синее платье, в котором она отгуляет свой «казахский» выпускной и, собственно, станет женой нашего Волосатика.

Но отношения – это тяжелый труд, даже если это отношения на расстоянии.

Целый год Мари была идеальной девушкой и мечтой Леньки, но после начала меняться, объясняя это приближающимися экзаменами и недовольством «мамки» ее скорым отъездом.

Ее мамку не радовал даже тот факт, что Мари станет полноправной гражданкой нашей страны и законной супругой Леонида. В связи с этим настроение возлюбленной ухудшалось, и вскоре произошла первая крупная ссора, в которой Мари заявила, что все их отношения – бред собачий, ведь реальной поддержки она не ощущает. Но Ленька, будучи настоящим мужчиной, не растерялся и тут же выслал ей тысячу рублей на первейшие нужды, зная, что из-за постоянных ссор с матерью Мари сейчас живет у подруги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.